

Check for updates

Рецензии

УДК 327.7

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-1-81-91>

Что добавилось к философии, или о «Просто-напросто притупленном словоупотреблении» (bloßer dumpfe Wortgebrauch). Часть I.

Рецензия на перевод: Хайдеггер, М. (2020) *К философии. О событии*. Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательство Института Гайдара, 640 с.

А. П. Шурбелев^{✉1}

¹ Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования: Шурбелев, А. П. (2022) Что добавилось к философии, или о «Просто-напросто притупленном словоупотреблении» (bloßer dumpfe Wortgebrauch). Часть I. Рецензия на перевод: Хайдеггер, М. (2020) *К философии. О событии*. Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательство Института Гайдара, 640 с. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 4, № 1, с. 81–91. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-1-81-91>

Получена 23 июля 2021; прошла рецензирование 1 августа 2021; принята 1 августа 2021.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. П. Шурбелев (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. В настоящей рецензии дается подробный анализ ключевых принципов перевода, использованных в ходе работы над немецким текстом, созданным Мартином Хайдеггером и известном под названием «Beiträge zur Sache der Philosophie». Рецензируемый перевод на русский язык был осуществлен Э. Н. Сагетдиновым и опубликован под названием «К философии. О событии». Он вышел в московском издательстве Института Гайдара в 2020 году (ISBN 978-5-93255-589-7). Немецкий текст Мартина Хайдеггера «Beiträge zur Sache der Philosophie» сопоставим по уровню смысловой сложности с другой важнейшей его работой «Sein und Zeit», полностью переведенной на русский В. В. Библихиным. Однако рецензируемый перевод не отличается точностью работы со смыслами оригинала, характерными для перевода В. В. Библихина; начиная с важнейшего принципа — целостности текста, которую не видит Э. Н. Сагетдинов, называя его «намеренно произвольным собранием заметок». Не понимая общего концептуального рисунка всей работы, переводчик искажает как весь ее замысел, так и отдельные ключевые тезисы и понятия в ходе передачи их с помощью аналогов, взятых из ресурсов лексического и стилистического тезауруса русского языка и концептуального поля русской философской терминологии. Для доказательства этого утверждения в рецензии приводятся фрагменты перевода, наиболее выразительно демонстрирующие искажение исходного смысла немецкого текста. Этот смысл показан не только в ходе анализа немецкого текста, но и в ходе сравнения русского перевода, а также переводов немецкого текста «Beiträge zur Sache der Philosophie» на другие европейские языки (итальянский, испанский, английский), которые отличаются гораздо большей точностью и корректностью в отношении к исходному тексту.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, «К философии. О событии», «Вклады в дело философии», Э. Н. Сагетдинов, проблемы перевода философских текстов

What has been added to philosophy, or about “Simply blunt use of words” (bloßer dumpfe Wortgebrauch). Part I.

Review of the translation into Russian: Heidegger, M. (2020)

Beiträge zur Sache der Philosophie (Vom Ereignis).

Translator E. N. Sagetdinov. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 640 p.

A. P. Shurbelev✉¹

¹ Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

For citation: Shurbelev, A. P. (2022) What has been added to philosophy, or about “Simply blunt use of words” (bloßer dumpfe Wortgebrauch). Part I. Review of the translation into Russian: Heidegger, M. (2020) Beiträge zur Sache der Philosophie (Vom Ereignis). Translator E. N. Sagetdinov. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 640 p. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 4, no. 1, pp. 81–91. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-1-81-91>

Received 23 July 2021; reviewed 1 August 2021; accepted 1 August 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. P. Shurbelev (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. This review provides a detailed analysis of the key translation principles used in the translation of the German text “Beiträge zur Sache der Philosophie” by Martin Heidegger. The peer-reviewed translation into Russian was carried out by E. N. Sagetdinov and published under the title “Towards Philosophy. About the event.” It was published by the Gaidar Institute publishing house in Moscow in 2020 (ISBN 978-5-93255-589-7). The German text by Martin Heidegger “Beiträge zur Sache der Philosophie” is comparable in terms of semantic complexity with his other major work “Sein und Zeit,” completely translated into Russian by V. V. Bibikhin. However, this peer-reviewed translation does not meet the standards of accuracy when conveying the meanings of the original that are characteristic of V. V. Bibikhin. This is exemplified by the translator’s failure to observe the foremost principle of such works—i. e. the preservation of the text’s integrity—with E. N. Sagetdinov calling the result “a deliberately arbitrary collection of notes.” Missing the general conceptual framework of the entire work, the translator distorts both its general idea and individual key theses and concepts, when he uses similar concepts taken from the lexical and stylistic thesaurus of the Russian language and the conceptual field of Russian philosophical terminology to translate Heidegger’s theses and concepts into Russian. To prove this statement, my review provides translation fragments that most vividly demonstrate the distortion of the original meaning of the German text. This meaning is shown not only by the analysis of the German text, but also by the comparison of the Russian translation and the translations of the German text “Beiträge zur Sache der Philosophie” into other European languages (Italian, Spanish, English), which are much more accurate and correct in relation to the original text.

Keywords: Martin Heidegger, Towards Philosophy. About the event, Contributions to the cause of philosophy, E. N. Sagetdinov, issues of translation of philosophical texts

О “Beiträge” часто говорят, что эта вторая по значимости — после «Бытия и времени» — работа Хайдеггера, в которой вопрошание о бытии, обстоятельно разработанное в фундаментальной онтологии, движется по иному пути, намеченному после так называемого «поворота» (Kehre), а именно по пути бытийно-исторического мышления, где уже нет экзистенциального априоризма, характерного для «Бытия и времени». Об этом говорится и в аннотации к переводу, который мы здесь рассматриваем. Однако мы не будем вдаваться в анализ концептуальных различий этих двух трудов, поскольку жанр рецензии этого не предполагает. Да, по своей

философской значимости эти два труда, наверное, равновелики, но равнозначны ли их переводы по качеству исполнения?

О «Бытии и времени» в переводе Владимира Бибикина говорилось много. Переводчика упрекали в «насилии над синтаксисом», готовности «умереть за умляют» и т. д. В чем-то эти упреки правомерны: намеренно непроставленные знаки препинания, как и нарочитая неуклюжесть того или иного предложения лишь затрудняют понимание текста, но в одном отказать переводчику нельзя: он действительно понимает, с чем имеет дело, и, не переставая его критиковать, мы в целом доверяем этому переводу,

потому что знаем: переводчик по-настоящему видит текст оригинала. Дерзнем сказать, что многие его критики сами никогда бы не отважились на перевод этой вещи, ибо понимают, что многим рискуют: точно передать в переводе столь сложный текст — дело весьма непростое и для многих заведомо невозможное, а лишь критиковать, *не предлагая* к рассмотрению каких-либо других вариантов перевода и потому всегда оставаясь неуязвимым для возможной обратной критики, — занятие, что ни говори, интересное.

Что касается перевода упомянутых “Beiträge”, то здесь ситуация иная. Нынешний переводчик почему-то решил, что ему по силам перевод работы, которая по степени сложности, быть может, даже превосходит «Бытие и время», а если и не превосходит, то, по крайней мере, своей структурой, своей композицией сильно усложняет переводческую задачу. Мы не можем сказать, что смысловая ткань этого Хайдеггера труда представляет собой нечто нарочито разорванное: это не «намеренно произвольное собрание заметок» (как неверно сказано в уже упоминавшейся нами аннотации к переводу данной работы): в таком случае мы имели бы некий набор разрозненных соображений на тему философии, нечто наподобие афоризмов, тогда как на самом деле перед нами текст с вполне определенной композицией, которую сам автор оговаривает на первых страницах своего труда: он описывает «план» (Aufriß) своей работы, подчеркивая, что она состоит из *шести* больших разделов, или «складов» (Fugen), которые концептуально связаны между собой. Мы не будем их описывать, но надо сказать, что порой складывается впечатление, будто переводчик не усматривает этой связи — иначе как объяснить те ошибки, которые можно совершить, только не видя *общего* концептуального рисунка всей работы, и которые сами в силу этого оказываются концептуальными, т. е. искажающими *весь ее замысел*?

С другой стороны, в этой работе Хайдеггера нет той традиционной, композиционно выверенной *повествовательности*, которая характерна для философского трактата, в том числе и для «Бытия и времени», — повествовательности, которая в немалой степени облегчает передачу смысла на другой язык, поскольку создает целостный понятийный контекст, помогающий почувствовать смысловую тональность того или иного трудного отрывка. Нередко текст имеет конспективный характер, тезисную структуру, в которой отсутствие уже очерченных ранее *семантических пространств*

не дает переводчику опереться на выверенные концептуальные смыслы.

В рассматриваемом нами переводе нет того намеренного «насилия над синтаксисом», который мы видим у Библихина, но зато налицо нечто гораздо худшее, а точнее — совсем катастрофическое для перевода: мы имеем в виду постоянное *искажение смысла*, когда *плотность* смысловых ошибок так велика, что о хорошем переводе уже просто нельзя говорить, более того: цитировать такого «Хайдеггера», включая его в отечественное философское пространство, — дело весьма рискованное. В конце концов, можно спорить о *стиле* перевода (чего стоит одна только фраза *bloßer dumpfe Wortgebrauch*, которую переводчик переводит как «просто-напросто притупленное словоупотребление» и которую мы вынесли в заголовок нашей рецензии), о тех или иных лексических предпочтениях в пределах концептуально допустимой синонимии и т. д., но невозможно делать предметом обсуждения явную смысловую неадекватность, а она здесь присутствует почти постоянно. В одном лишь первом разделе, едва дойдя до его половины, мы уже обнаруживаем более *сорока* грубых смысловых ошибок, не говоря о мелких искажениях, и в дальнейшем их количество только увеличивается.

Уже слышались поздравления в адрес переводчика, однако надо признать, что они поспешны и не основаны на анализе перевода. Со своей стороны, переводчик уточнил, что он — «не Библихин», но этого можно было и не делать: об этом красноречиво свидетельствует сам перевод.

Ранее перевод этой работы переводчик представил в журнале «Герменейя» (под заголовком «Вклады в дело философии»), но там искажение текста было столь фантастическим, что никакая рецензия на такой перевод была просто невозможна: явные ошибки присутствовали почти на каждой странице. Над текстом, который мы имеем сейчас, Наверное, поработал редактор, однако если здесь и можно говорить о «прогрессе», то только в том смысле, что вместо прежнего очень плохого перевода теперь мы имеем просто плохой перевод, который часто свидетельствует не только о непонимании той или иной проблемы, но и о недостаточном знании немецкого языка.

Сразу оговоримся: мы имеем в виду не нюансы понимания и не предпочтения тех или иных *оттенков* смысла, что вполне допустимо при осмыслении текста такой сложности — нет,

речь идет о явном и однозначном искажении смысла, когда от подлинного Хайдеггера мало что остается.

Человеку, который сейчас читает эту рецензию, придется запастись терпением: мы понимаем, что наше утверждение весьма решительно, и потому не можем оставаться голословными. Ниже мы приводим довольно длинный перечень примеров совершенно неверной передачи текста: на самом деле ошибок гораздо больше, но в рамках обычной рецензии просто невозможно перечислить их все, однако и приведенное со всей ясностью покажет, что перед нами, как говорится, далеко не Хайдеггер.

Итак, сначала мы будем приводить текст *оригинала*, затем — в случае необходимости — вкратце пояснять, о чем идет речь, а потом приводить упомянутый «перевод» и давать его анализ, показывающий, что перед нами явное искажение изначального авторского смысла — и порой даже не искажение, а просто беспомощная выдумка. Видя перед собой оригинал, читатель, знающий немецкий язык и знакомый с философией Хайдеггера, сможет *сам* убедиться, что изначальное дело шло совсем о другом. Мы заранее просим простить нас за скучную процедуру *перечисления* ошибок, но при таком переводе о *стиле* уже не приходится говорить: при столь плохом качестве передачи самого *смысла* вопрос о *стиле* отходит на второй план.

1) Перевод почти сразу начинается с грубой ошибки, искажающей весь замысел этого большого труда. В конце § 3 читаем:

“Der Sprung in das Seyn. Der Sprung *erspringt* den Abgrund der Zerklüftung und so erst die Notwendigkeit der Gründung des aus dem Seyn zugewiesenen Da-seins” (Heidegger 2003, 9).

У переводчика этот отрывок выглядит так: «Прыжок в бытие. Прыжок *перепрыгивает* бездну раскола (Abgrund der Zerklüftung) и таким образом впервые необходимость основывания определенного бытием вот-бытия» (Хайдеггер 2020, 28).

Подчеркнем еще раз: в рамках рецензии мы не можем излагать мысль Хайдеггера предельно обстоятельно, и чтобы показать, в чем именно заключается ошибка переводчика, нам придется довольно упрощенно очерчивать исконную картину смысла, но этого вполне достаточно, чтобы увидеть, что в оригинале речь идет совсем о другом. В данном случае Хайдеггер говорит, что для того, чтобы прийти к другому, *неметафизическому* началу философии, необходимо, отказавшись от привычных логико-метафизических установок, совершить прыжок в то самое исконное бытие, которое в современную эпоху

технократии ускользает от человека, но в своем ускользании одновременно зовет его к себе, призывая к тому *онтологическому* преображению, при котором он перестает быть субъектом и становится *вот-бытием* и при котором только и возможна их встреча.

В этом примере весьма своеобразным оказывается глагол *erspringen*, и это своеобразие двояко.

Во-первых, его нет в немецко-русских словарях, т. е. нельзя, воспользовавшись словарем, сразу получить доступ к его апробированному смыслу. Но тут нет ничего удивительного: имея дело с Хайдеггером, следует всегда быть готовым к чему-то подобному. Глагол *erspringen* надо переводить по аналогии с другими глаголами, имеющими префикс “er-“, который, как известно, задает идею *достижения результата*, например, *erdenken* — «выдумывать», *erreichen* — «достигать», *erzielen* — «добиваться» и т. д. Таким образом, когда мы читаем, что “Der Sprung *erspringt* den Abgrund der Zerklüftung”, речь идет о том, что прыжок, совершая себя самое, узнает или точнее *вызнает*, выведывает в прыжке» (как *erdenken*, *ersinnen* — «выдумывать», *erspähnen* — «высматривать», *erkunden* — узнавать, а точнее — «вызнавать», «выведывать»), что перед ним бездна.

Во-вторых, здесь мы имеем *прямое* беспредложное дополнение (*den Abgrund*), которое и придает необычность словосочетанию “*erspringt den Abgrund*”. Для нас привычно при слове «выпрыгивать» думать о «выпрыгивании *из* чего-то», но здесь — повторимся еще раз — мы имеем *прямое беспредложное* дополнение, которое надо понимать аналогично словосочетаниям «вычитать новость», «выстрадать истину» и т. п. Именно в *таком* смысле «прыжок *выпрыгивает* бездну», т. е. постигает, что она — бездна. Т. е. глагол *erspringen* — это “*erkennen*” или “*erkunden*” в действии («вызнавать, узнавать, выведывать посредством самого прыжка, благодаря прыжку», что перед ним бездна (Abgrund), т. е. что ему некуда «приземлиться», потому что старой *метафизической почвы*, на которой раньше утвердилась бы метафизическая мысль, любившая совершать прыжки в запредельное, больше нет: ведь речь идет о «новом начале» философии, которое не должно быть метафизическим. *Erspringen* — это своего рода *ergründen* («измерять глубину», «искать дно»), но «дна» прыжок не находит, а вместо него обнаруживает «бездну».

Итак, в прыжке постигается *невозможность* перехода к другому началу при сохранении старого *онтологического статуса* того, кто этот

прыжок совершает. Необходимо новое онтологическое качество, а именно *вот-бытие*, которое и даст возможность войти в исконное *бытие* (его Хайдеггер обозначает старинным вариантом написания: *Seyn* — в противоположность традиционному *Sein*; в свое время в одном из наших послесловий при переводе *Seyn* на русский язык мы предлагали использовать и десятиричное, что, вероятно, здесь и было услышано). Об этом и говорит вторая часть предложения: в нем говорится о том, что совершаемый прыжок так же «выпрыгивает», т. е. «выведывает» «необходимость основывания» того *вот-бытия*, которое направлено из исконного бытия («die Notwendigkeit der Gründung des aus dem *Seyn* zugewiesenen *Da-seins*»).

Мимоходом отметим, как с этой ситуацией справляются другие переводчики. В *английском* переводе, появившемся в 1999 г. в издательстве «Indiana University Press», в этом отрывке глагол *erspringen* буквально переведен как *enleap*, причем в предисловии переводчики подчеркивают, что префикс *en-* прежде всего надо понимать в значении *enable*, т. е. «делать возможным». Вот их перевод: «The leap into be-ing: The leap enleaps the abgrund of the cleavage and thus first the necessity of grounding *Da-sein*, who is allotted from within be-ing» (Heidegger 1999, 7). Т. е. получается, что «прыжок», выпрыгивая в бездну, тем самым и обнаруживает ее, благодаря чему становится ясно, что она присутствует, и потому возникает необходимость «основывания *вот-бытия*» (*grounding Da-sein*).

Более красочным (но опять же верным по смыслу) оказывается *итальянский* переводчик. В его переводе, вышедшем в 2007 г. в издательстве «Adelphi», «прыжок» *распахивает* бездну: «Il salto *spalanca* l'abisso del fendersi» (Heidegger 2007, 17) (*spalancare* — «распахивать», «широко растворять») и тем самым «распахивает необходимость основывания *вот-бытия*» («la necessarietà della fondazione dell'esser-ci»).

Но что мы видим в русском переводе? Вероятно, по мысли переводчика получается так: если уж это «прыжок», то он, наверное, должен «перепрыгивать», ибо таково, так сказать, его исконное предназначение. И потому у переводчика читаем, что «прыжок *перепрыгивает* бездну раскола», а заодно — внимание! — перепрыгивает и «необходимость основывания определенного бытием *вот-бытия*», причем делает это «впервые».

Перевод совершенно неверный и полностью искажающий мысль автора. «Бездна» благополучно «перепрыгивается», а тем самым пере-

прыгивается и необходимость написания всей работы и, прежде всего, большого пятого раздела, или «склада», который весь посвящен этому «основыванию». Т. е. на самом деле смысл прямо *противоположный*: у автора впервые или только таким образом, т. е. посредством прыжка, выводится именно эта «необходимость основывания». У переводчика же эта необходимость отпадает, и неверность передачи смысла даже оборачивается неким достоинством («впервые»).

На самом же деле здесь впервые закрывается подозрение, что переводчик не видит текста оригинала, не видит *общего* смысла всей работы, и в дальнейшем это подозрение, к сожалению, только усиливается. Переводчика даже не насторожило, что буквально через несколько абзацев в оригинале появляется *существительное Übersprungung*, которое как раз и означает «перепрыгивание», но там речь идет о другом.

2) *Второе* концептуальное искажение смысла появляется вскоре после первого. На протяжении всей работы Хайдеггер проводит мысль о необходимости принятия того онтологического *решения*, которое даст совершиться *вот-бытию* как историческому событию, понимаемому в русле бытийно-исторического мышления. Но бытие совершается и сейчас: совершается в своем ускользании в промежутке между смертью старого Бога (о которой, как известно, возвестил Ницше) и намеком (*Wink*) на «другое начало», каковой намек бытие (почти равное убегающему «последнему Богу») дает даже в этом своем *ускользании* в забвение. (Мимоходом отметим, что «последний Бог» не имеет ничего общего с христианским Богом. Это не сущность, а *событие*. Этот Бог совершается в его прохождении (*Vorbeigang*), которое означает *решение* о другом начале истории).

Исторически (в более широком смысле «западной истории») о наступлении «другого начала» еще ничего не «решено», и Хайдеггер считает эту свою большую работу, свои «*Beiträge*», попыткой подготовить и держать открытым то «время-пространство» (*Zeit-Raum*), которое необходимо для принятия такого исторического решения. Забвению бытия сопутствует «убегание» богов, но в то же время сохраняется возможность их пришествия — пришествия из призыва, который возникает в оставленности бытием, — призыва создать «*пространство-время*» для истины бытия, в которой станет возможным *прохождение* (*Vorbeigang*) последнего Бога (*letzte Gott*) и тем самым — другое начало истории.

Итак, появление последнего Бога в его прохождении определит наступление другого начала западной истории, но решение об этом наступлении еще должно быть принято. В § 40 автор говорит об «Entscheidungsstätte für den wesentlichen Übergang in die noch mögliche Wandlung der abendländischen Geschichte» (Heidegger 2003), т. е. о «месте решения для сущностного перехода в еще возможное преобразование западной истории».

Таким образом, именно этот *возможностный* смысл и надо усматривать в словах Хайдеггера о «дали нерешенности [или «нерешаемости» в смысле непринятия решения] самого последнего и первого» («Ferne der Unentscheidbarkeit des Äußersten und Ersten»), о той дали, в которой еще не решен вопрос о «бегстве и пришествии богов».

Но видит ли его переводчик? Когда в § 7 речь заходит об этой самой «Ferne der Unentscheidbarkeit des Äußersten und Ersten» (Heidegger 2003, 23), он переводит эту фразу как «даль неразрешимости самого последнего и первого» (Хайдеггер 2020, 44) и остается верен такому переводу во всех других случаях упоминания об этой «дали»: даже в конце работы, на 473 странице он по-прежнему говорит о «неразрешимости», хотя двумя абзацами выше Хайдеггер прямо говорит о «еще-не-решенном, требующем решения» («Noch-unentschiedene, zu Entscheidende») (Heidegger 2003, 382).

Хайдеггер говорит о «месте первого решения» («die Stätte der ersten Entscheidung»), о «высшем решении» (höchste Entscheidung). В начале III склада он снова говорит о том, что путь к «другому началу» надо найти через наведение моста, «erstes Brückenschlagen des Übergangs, eine Brücke aber, die ausschwingt in ein erst zu entscheidendes Ufer» (Heidegger 2003, 169), т. е. моста, простирающегося к берегу, о котором еще надо *принять решение*. На протяжении нескольких параграфов (43–49) Хайдеггер не перестает говорить о «высоком решении», «месте решения», о «решении», которое совершается «в тишине» и т. д. Человеку надо решить, хочет ли он оставаться «субъектом» или же должен основать свое «вот-бытие»; решить, ускользает ли бытие *окончательно* или же это ускользание станет парадоксальной возможностью *другого* начала истории и т. д.

Т. е. речь идет не о «неразрешимости», а о «нерешенности», или «нерешаемости», причем не в том смысле, что решить нельзя в *принципе* (как это как раз и получается при «неразрешимости», в которой слышится *безысходный антиномизм*), а в том, что в эпоху безудержной

технократии это решение *никем не принимается*, в нем никто не чувствует нужды (Not), ибо почти нет тех «немногих», кто, по мысли Хайдеггера, смог бы это сделать.

Об этом же он говорит и в своей работе «Время картины мира», относящейся к концу тридцатых годов. Там, перечисляя отличительные черты Нового времени, заложившего интеллектуальный фундамент современности, он в частности говорит о характерном для него обезбожении, которое характеризуется «принципиальной *нерешенностью* относительного Бога и богов» (Хайдеггер 2002, 58).

У переводчика же получается, что о решении не стоит и думать, потому что складывающаяся ситуация *неразрешима* и Dasein *принципиально бессильно* перед этой антиномией. Но тогда рушится (уже во второй раз) вся концепция Хайдеггеровой работы: ведь смысловой стержень, на котором она держится, — это именно *решение*, которое принимается уже упомянутыми «редкими» и «немногими», кто, в своем мышлении совершая прыжок в бытие, обретает и сохраняет его. «Боги» нуждаются в них как основателях «пространства-времени», основателях «места мгновения» (Augenblickstaette), в котором последний Бог может появиться в своем прохождении и тем самым знаменовать новое начало истории.

Неразрешимость конфликта, изображаемая в каком-нибудь художественном произведении, — прием известный, всегда достигающий трагизма, столь необходимого для обретения художественной силы изображения, но если бы именно так и обстояло дело в данной работе Хайдеггера, то — скажем еще раз — он не посвящал бы целые параграфы тем «редким» (Seltene), «немногим» (Wenige), тем «грядущим» (Zukünftigen) (каковые хотя и названы «грядущими», но по мысли автора они уже есть, хотя их и немного), которые призваны к тому, чтобы услышать исконное бытие, обрести его и заложить другое начало истории.

3) Третья концептуальная ошибка переводчика заключается в неверной передаче того *основного настроения* (Grundstimmung), которое характерно для мышления, совершающегося в «другом начале», — мышления, в котором и совершается постепенное обретение исконного бытия. Об этом Хайдеггер говорит в § 5, заголовок которого весьма характерен: «Для Немногих — для Редких». Это настроение *трехчастно*: das Erschrecken, die Verhaltenheit и die Scheu. У переводчика эта триада выглядит как «страх», «сдержанность», «робость», и такой

перевод лишает эту триаду ее настоящего смысла и подлинной динамики.

Во-первых, речь идет не о «страхе», а об «испуге» (*Erschrecken* — это и есть *испуг*): понимая, что бытие ускользает и может исчезнуть навсегда, мышление пугается такой возможности, оно переживает испуг. Кроме того, оно пугается и потому, что ради обретения этого бытия ему, совершая упомянутый прыжок, придется оставить всё привычное, все проторенные метафизические ходы мысли. Мышление как бы вздрагивает в испуге от этой двойной перспективы, и, желая подчеркнуть внезапность и резкость этого чувства, уже упоминавшиеся нами английские переводчики переводят *Erschrecken* даже не одним словом, а двумя: у них это не просто *испуг* (*dismay*), а *startled dismay* (Heidegger 1999, 11), т. е. буквально *вздрогнувший, встревоженный испуг*. Хайдеггер подчеркивает, что испуг надо понимать в противоположность основному настроению *первого начала* философии, каковое, как известно, — не испуг, а *удивление* (*Erstaunen*) (вспомним Аристотелево «философия начинается с удивления»).

Затем идет сдержанность (*Verhaltenheit*), занимающая срединное положение между *испугом* и тем, что, в свою очередь, переводчик опять переводит неверно: имеется в виду термин *die Scheu*, который он переводит совершенно словарной «робостью» (в словаре это «робость, застенчивость, пугливость»), лишая его своего глубинного смысла. А между тем как раз теперь эта *Scheu* и есть *страх*, но страх необычный, а именно *благоговейный страх*, или — еще точнее — *благоговейная, страшящаяся приязнь*. Хайдеггер пишет, что «*Scheu ist die Weise des Sichnahens und Nahebleibens dem Fernsten als solchem (vgl. Der letzte God), das in seinem Winken dennoch — wenn in der Scheu gehalten — zum Nächsten wird...*» (Heidegger 2003, 16).

В переводе это означает следующее: «Благоговейная приязнь есть способ самоприближения к самому далекому и пребывание рядом с ним как таковым (ср. Последний Бог), которое, однако [имеется в виду это «самое далекое»], давая намек, становится самым близким, если удерживается в благоговейной приязни (*in der Scheu*)».

Но почему надо принять именно этот вариант (т. е. благоговейную, страшящуюся приязнь, а не предлагаемую переводчиком «робость»)?

В курсе лекций о Пармениде, которые тоже относятся к позднему периоду, Хайдеггер еще раз рассматривает термин *Scheu*, подчеркивая, что его смысл можно понять из смысла *противоположного* слова, а именно из *Abscheu*, которое означает «отвращение», «неприязнь». Таким

образом, если он считает термин *Abscheu* антонимом к термину *Scheu* (а он именно так и считает), то получается, что второй термин, напротив, означает некое влечение к чему-то, некую *приязнь*. Во-вторых, здесь же он отождествляет немецкую *Scheu* и греческий термин αἰδώς, который прежде всего означает все тот же *благоговейный страх*.

Таким образом, имея на руках эти два слагаемых, мы вполне можем говорить, что речь идет именно о том *онтологически амбивалентном* настроении *страха* и в то же время *влечения*, в котором и находится мышление «другого начала», соприкасающееся с исконным бытием, какового оно страшится в силу его принципиальной *инаковости* (в сравнении с привычным бытием метафизики), но к которому тяготеет, отвечая на его зов. Т. е. это не тот страх, от причины которого хотелось бы поскорее избавиться: это страх перед другим началом, перед бытием как *событием* — и он не только страшит, но и влечет.

(Здесь — правда, с известными оговорками — можно вспомнить «Священное» Рудольфа Отто, которого в свое время Хайдеггер внимательно читал: Отто видит в «священном» (*das Heilige*) одновременно «тайну устрашающую» (*mysterium tremendum*) и «тайну чарующую» (*mysterium fascinans*), видит «совершенно Иное», чего нет в эмпирическом опыте, и т. д. И примечательно, что в приведенном выше отрывке в скобках Хайдеггер опять говорит о «последнем Боге», а также интересно и то, что сам Рудольф Отто в этой своей работе тоже употребляет термин *Scheu* приблизительно в таком же смысле).

В этимологическом словаре Шанского сказано, что глагол «благоговеть» представляет собой кальку греческого глагола εὐλαβεῖσθαι («уважать» и в то же время «бояться»), и, например, все те же английские переводчики в данном случае переводят термин *Scheu* как *deep awe* (Heidegger 1999, 11). Уже одно только существительное *awe* означает (например, в большом англо-русском трехтомнике) «благоговейный страх», «трепет», «благоговение», «глубокое почтение и страх», но они даже усугубляют этот смысл, сочетая термин *awe* с прилагательным *deep* («глубокий»).

(Мимоходом отметим, что в приведенном отрывке переводчик совершает и другую ошибку: не понимая смысла всего предложения, он вместо *условного* союза «если» (*wenn*) в переводе зачем-то использует *уступительный* союз «хоть» и делает это как раз там, где речь идет не об уступке, а о принципиальном *условии*.

В итоге у него получается так: «Робость — это способ приближения к самому далекому как таковому (ср.: Последний Бог) и нахождение вблизи него, которое в подаче своего намека (Winken) — *хоть* и удерживая в робости — становится ближайшим...» (Хайдеггер 2020, 35).

Когда Хайдеггер начинает объяснять своеобразие термина *Scheu*, переводчик, начиная разводить *Scheu* и *Schüchternheit*, еще более запутывает ситуацию, выдумывая для перевода существительного *Schüchternheit* какую-то «стеснительность». Хайдеггер пишет: «Die Scheu aber wird nach dem Gesagten nicht mit der Schüchternheit verwechselt oder auch nur in der Richtung dieser verstanden werden. Dies ist so wenig erlaubt, daß hier gemeinte Scheu sogar noch den “Willen” der Verhaltenheit überwächst, und dies aus der Tiefe des Grundes der einheitlichen Grundstimmung» (Heidegger 2003, 15).

В адекватном переводе это означает: «Но после сказанного *благоговейный страх* нельзя путать с робостью или даже понимать в направлении последней. Это тем более непозволительно, что подразумеваемый здесь страх даже сильнее “воли” сдержанности — сильнее из глубины основания единого основного настроения». Переводчик же пишет, что «робость после сказанного нельзя путать со *стеснительностью* или же понимать только в направлении последней».

На самом деле в словарях *Scheu* («робость, застенчивость, пугливость») и *Schüchternheit* («робость, застенчивость, нерешительность») — синонимы, и, оставаясь только в горизонте словаря и пытаясь избежать этой синонимии, переводчик пускается на выдумку.

Кроме того, при таком переводе непонятно, почему «робость» оказывается «даже сильнее “воли” сдержанности»: ведь по своей силе «робость» слабее «страха», который в таком переводе стоит перед нею (вспомним, что Erschrecken переводчик переводит как «страх»). Но все становится понятным, если еще раз вспомнить, что в данном случае *Scheu* означает не «робость», а *онтологически амбивалентный благоговейный страх*, который по причине своей амбивалентности в итоге *пересиливает* даже волю сдержанности и заставляет влечься к другому началу.

4) Обретение этого начала предполагает не только основное *настроение* (Grundstimmung), отличное от настроения прежней философии (какое, как мы помним, было *удивлением*, а не *испугом*), но и другую *философию*, другое *знание*, отличное от метафизического. § 14 начинается с такой знаменательной фразы:

«Philosophie ist das nutzlose, gleichwohl herrschaftliche Wissen» (Heidegger 2003, 36).

Здесь переводчик совершает очередную ошибку, переведя прилагательное *herrschaftliche* как «господствующее». В его переводе эта простая фраза звучит так: «Философия — это бесполезное и все же *господствующее* знание» (Хайдеггер 2020, 59). На самом деле Хайдеггер имеет в виду именно *herrschaftliche Wissen*, а не *herrschende*, т. е. речь идет о некоем *господском, барском*, некоторым образом аристократическом знании (недаром он говорит о «редких», «немногих», которые призваны к обретению исконного бытия), но никак не о *господствующем*. В эпоху ускользания бытия, в эпоху технократического прожектерства и всевозможного делячества такое знание как раз *не господствует*, оно не может господствовать и остается уделом все тех же «немногих» и «редких», которые совершают его в «безмолвии», «тишине» и т. д. (недаром Хайдеггер говорит о «вымалчивании», принятии решения «в тишине» и проч.). Прибегнув к несколько упрощенному, но тем не менее верному сравнению, можно сказать, что это знание сродни *звучанию* музыкальных гармоний в эпоху безудержного производственного *шума*, когда оно действительно нерезультативно и потому бесполезно, но, не будучи *господствующим*, оно в силу своей истинности не перестает быть *господским*.

Это хорошо почувствовали английские переводчики (у них здесь «*masterful* knowing») («Philosophy is useless but at the same time masterful knowing») (Heidegger 1999, 26), т. е. именно «*masterful*» («мастерской», т. е. исполненный «мастером», «искусный», «властный»), а не «*dominant*»), а также итальянский переводчик (у него речь идет об «*il sapere sovrano*», т. е. буквально о «верховном, высшем знании», но не о «господствующем» (*dominante*) (вся фраза целиком: «*Filosofia è il sapere inutile e tuttavia sovrano*») (Heidegger 2007, 45).

Та же ошибка повторяется переводчиком в первой строке § 16 (Хайдеггер 2020, 68; Heidegger 2003, 43).

5) Но почему господствует метафизический подход и метафизическое знание? В конце § 43 Хайдеггер подчеркивает, что, говоря о совсем другой истине и основывая ее, трудно использовать «слова и понятия с якобы устоявшимся антрополого-психологическим содержанием». И тут же он говорит о причине такого затруднения. Вот как об этом сказано в оригинале:

«Die lange, nicht nur neuzeitliche Gewöhnung an eine Vordergründlichkeit des Menschen (als animal rationale) in allem abendländischen

Denken macht es schwer, Worte und Begriffe eines scheinbar festliegenden anthropologisch-psychologischen Gehalts aus einer ganz anderen Wahrheit und zur Gründung dieser zu sagen...» (Heidegger 2003, 90).

Итак, какова же причина упомянутого затруднения?

У переводчика читаем: «Давняя, не только Нового времени, привычка к *поверхностности* (!) человека (как *animal rationale*) во всем западном мышлении создает трудность для употребления слов и понятий с якобы антропологически-психологическим содержанием...» (Хайдеггер 2020, 126) и т. д.

Здесь переводчик в очередной раз совершает грубую ошибку, показывая, что не видит смыслового контекста проблемы. На самом деле речь идет не о какой-то *поверхностности* человека, а о том, что с давних пор именно *человек* ставился во главу угла, т. е. речь идет об *антропоцентричности* не только Нового времени, но и более ранних веков. В данном случае термин *Vordergründlichkeit* надо понимать именно в этом смысле. Антропоцентризм основывался как раз на том, что человек воспринимался как *animal rationale*, т. е. «разумное животное», отличное от всех неразумных (что и ставило его в центр мироздания).

Опять возникает впечатление, что переводчик переводит вслепую, не улавливая культурологического понимания проблемы, и его не останавливает даже очевидная нелепость им написанного. Наверное, столь грубую и очевидную ошибку не стоило бы даже и подтверждать другими переводами, но можно, например, сослаться на *испанского* переводчика, который, стремясь подчеркнуть, что немецкий термин *Vordergründlichkeit* надо понимать именно как «нахождение на первом плане», даже курсивом приводит его в скобках. В испанском переводе, опубликованном в Сантьяго в 1996 году, читаем: «El largo acostumbramiento, non solo moderno, a una presencia *primer plano* (*Vordergründlichkeit*) del hombre (como *animal rationale*) en todo el pensamiento occidental...» (Heidegger 1996, 53) и т. д.

Так же переводит и уже упоминавшийся нами итальянский переводчик: «La lunga abitudine, non solo moderna, di porre l'uomo (in quanto *animal rationale*) *in primo piano* in tutto il pensiero occidentale...» (Heidegger 2007, 97) и т. д.

В обоих случаях речь идет о том, что человек находится на *первом плане* (*primer plano*, *primo piano*).

Да и сам контекст свидетельствует об этом: в конце параграфа Хайдеггер говорит об утвер-

дившемся «антропологическом *великолепии* человека» (*anthropologische Herrlichkeit des Menschen*) (Heidegger 2003, 90).

б) Выше мы обратились к § 43, но это совсем не значит, что до него в русском переводе не было никаких ошибок. Они по-прежнему есть и только множатся. Например, в § 8 («О событии»), где речь идет об основывании области историчности, в оригинале читаем: «Die Gründung dieses Bereichs verlangt eine Entäußerung, die das Gegenteil ist der Selbstaufgabe» (Heidegger 2003, 50).

У переводчика это означает: «Основывание этой области требует *отчуждения*, которое является противоположностью *личной задаче*» (Хайдеггер 2020, 50).

Во-первых, здесь нет никакой *выдуманной* переводчиком «личной задачи». В данном случае речь идет о противопоставлении отказа от самости (*Selbstaufgabe*) *отрешению* (*Entäußerung*). Во-вторых, переводить термин *Entäußerung* как «отчуждение» нельзя: это сразу отсылает к теперь уже знаменитому «отчуждению» Гегеля (*Entfremdung*) и вносит в хайдеггеровский текст совершенно ненужные коннотации классического немецкого идеализма, неприемлемого для Хайдеггера. С другой стороны, если уж и пытаться сохранить какую-то, пусть даже условную, преемственность, то тогда можно заглянуть в список терминов, составленных Густавом Шпетом к его переводу «Феноменологии духа». Там *Entfremdung* переводится как «отчуждение», а *Entäußerung* как «отрешение».

7) В § 10, который опять называется «О событии», встречаем абзац, который при переводе снова полностью искажает смысл исконного текста.

В оригинале читаем: «Das Seiende kann noch "sein" in der Seinsverlassenheit, unter deren Herrschaft die *unmittelbare* Greifbarkeit und Nutzbarkeit und Dienlichkeit jeglicher Art (alles muß dem Volke dienen, z. B.) selbstverständlich ausmachen, *was seiend* ist und was nicht» (Heidegger 2003, 30).

У переводчика читаем: «Сущее может еще "быть" в бытийной оставленности, под властью которой *непосредственная* осязаемость, пригодность и служебность всякого рода (все должно служить народу, например), само собой разумеется, составляет то, *что есть существующее* и что не есть таковое» (Хайдеггер 2020, 52).

У переводчика получается, что именно эта «осязаемость, используемость и служебность» составляет, то, «*что есть существующее* и что не есть таковое», т. е. они сами и составляют, т. е. образуют то, о чем говорится в заключительной части этого предложения, и тогда все

предложение выглядит совершенно непонятным. На самом же деле «схватываемость, используемость и служебность» как бы заранее *определяют, обуславливают, «что есть сущее и что не есть»* (именно так и надо понимать глагол *austachen*, который означает не только «составлять», но и «договариваться», «условливать»).

Эту же мысль, только не в *политическом* ключе («все должно служить народу»), а в *гносеологическом* ракурсе (когда речь идет о точной науке) можно найти в уже упоминавшейся нами работе Хайдеггера «Время картины мира». Там, говоря о математической *физике*, он подчеркивает, что «благодаря ей и для нее нечто недвусмысленным образом *условлено* заранее принимать за уже-известное» («durch sie und für sie wird in einer betonten Weise etwas als das Schon-Bekannte im vornhinein *ausgemacht*» (Хайдеггер 2007, 60)). И далее: «*Есть...* только то, что становится предметом» (Хайдеггер 2007, 67). И чуть ниже еще раз: «Сущее в целом берется теперь так, что оно *только тогда становится сущим*, когда поставлено представляющим и устанавливающим человеком» (Хайдеггер 2007, 69) (везде перевод В. Бибикина).

8) Эта же мысль появляется и в начале второго «склада» («Отзвук»), а именно в § 51 («Отзвук»), где переводчик снова, не понимая сути проблемы, пускается на выдумки и допускает сразу *пять (!)* ошибок.

8. 1. В оригинале читаем: «Daß aber dieser “Wille” es gerade ist, das im voraus schon gesetzt und herabgesetzt hat, was möglich und vor allem notwendig sein darf, wird schon im voraus verkannt und außer jeder Frage gelassen» (Heidegger 2003, 108).

А вот что получается у переводчика: «Но то, что эта “воля” есть именно это, воля, которая заранее уже *поместила и ослабила* (herabsetzen) то, что может быть возможным и прежде всего необходимым, уже заранее не признается и допускается вне рамок любого вопроса» (Хайдеггер 2020, 147).

На самом деле речь идет о все том же *полагании и упразднении* (setzen — herabsetzen) того, *что* может быть, а *что* быть не может, а не о каком-то совершенно непонятном «помещении и ослаблении». Во-вторых, конец предложения («допускается вне рамок любого вопроса») выглядит совершенно невнятно: на самом деле речь просто идет о том, что этот факт «никак не ставится под вопрос».

8. 2. Согласно Хайдеггеру, это возможно потому, что акцентируется одно лишь *настоящее*. Несколькими строками выше он прямо пишет:

«Gesagt sei vom Zeitalter der völligen Fraglosigkeit...» (Heidegger 2003, 108).

Тут переводчик показывает уже свое незнание языка. Не понимая значение конъюнктива, он почему-то видит в этом предложении какое-то *условие* и переводит эту фразу так: «Если сказано об *эпохе полной безвопросности...*» (Хайдеггер 2020, 147). Кем сказано? На самом деле Хайдеггер говорит, что «приходится говорить (или «надо сказать») (*gesagt sei*) об *эпохе полной безвопросности...*», т. е. здесь использован конъюнктив в побудительном значении.

8. 3. Но этим дело не заканчивается. Буквально в следующей фразе появляется следующая ошибка.

Хайдеггер пишет: «In diesem Zeitalter ist nichts Wesentliches — falls diese Bestimmung überhaupt noch ein Sinn hat — mehr unmöglich und unzugänglich» (Heidegger 2003, 108).

Переводчик не видит здесь двойного отрицания и опять переводит неверно. Вот что у него получается: «В этой эпохе ничто сущностное — в случае, если вообще это определение имеет еще смысл — больше невозможно и недоступно» (Хайдеггер 2020, 147).

На самом деле смысл *прямо противоположный*. Ведь характеризуемая Хайдеггером эпоха как раз потому и «безвопросна», что в ней «ничто сущностное больше *не* невозможно и *не* недоступно», т. е. эта эпоха считает, что она может творить всё, в том числе и самое сущностное. Эта мысль подсказывается тут же следующим предложением: «Alles “wird gemacht” und “läßt sich machen”, wenn man nur den “Willen” dazu aufbringt» (Heidegger 2003, 108), т. е. «всё “делается” и всё “можно сделать” — достаточно лишь мобилизовать на это “волю”» (Хайдеггер 2020, 147).

8. 4. Но у переводчика и эта последняя фраза переведена неверно. Он пишет: «Все “сделано” и “можно сделать”, *если* только *еще* на это мобилизуют “волю”». Получается, что эту самую «волю» мобилизуют как-то *нехотя*, делают это под каким-то условием (делают «еще», а могут и не делать), тогда как на самом деле описываемая Хайдеггером эпоха как раз полна безоговорочного оптимизма и торжества этой «воли», решающей, чему быть, а чему не быть.

8. 5. Буквально через абзац появляется очередная ошибка. Говоря о том, что эпоха полного отсутствия всякого вопрошания все-таки чувствует что-то неладное и хочет, чтобы вопрошание все же имело какую-то силу, она, эта эпоха, в качестве эрзаца всячески культивирует так называемое «переживание» (Erleben). Хайдеггер пишет: «Und das ist das Erleben: daß aus

allem ein “Erlebnis” und ein immer größeres und ein immer unerhörteres und ein immer überschreitendes “Erlebnis” werde» (Heidegger 2003, 109).

У переводчика опять получается нечто трудно понимаемое. Читаем: «А это и есть *переживание* (Erleben): то, что из всего “пережито”, т. е. “переживание” (Erlebnis), и становится все более большим и всегда невероятным и все более надрывающимся “переживанием”» (Хайдеггер 2020, 148).

Можно ли что-нибудь понять из этого перевода? А на самом деле здесь просто союз *daß* употреблен в *конъюнктивном* значении пове-

ления: «... чтобы из всего получалось “переживание” — все большее, все более неслыханное и все более кричащее».

Окончание в следующем номере.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Литература

- Хайдеггер, М. (2020) *К философии (О событиях)*. Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 640 с.
- Хайдеггер, М. (2007) *Время картины мира*. В кн.: *Время и бытие: статьи и выступления*. СПб.: Наука, с. 58–86.
- Heidegger, M. (1996) *Contribuciones a la filosofía (Del acontecimiento)*. Santiago: Contenido Publ., 186 p.
- Heidegger, M. (1999) *Contributions to philosophy (From enowning)*. Transl. by P. Emad, K. Maly. Bloomington: Indiana University Press, 210 p.
- Heidegger, M. (2003) *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. 3. Auf. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 522 S.
- Heidegger, M.; Volpi, F., von Herrmann, F. W. (2007) *Contributi alla filosofia. (Dall'evento)*. Trad. di A. Jadiccico. Milano: Adelphi Publ., 497 p. (Biblioteca Filosofica. No. 26).

References

- Heidegger, M. (1996) *Contribuciones a la filosofía (Del acontecimiento)*. Santiago: Contenido Publ., 186 p. (In Spanish)
- Heidegger, M. (1999) *Contributions to philosophy (From enowning)*. Transl. by P. Emad, K. Maly. Bloomington: Indiana University Press, 210 p. (In English)
- Heidegger, M. (2003) *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. 3. Auf. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 522 S. (In German)
- Hajdegger, M. (2007) *Vremya kartiny mira [Time of the picture of the world]*. In: *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]* / Transl. by V. Bibihina. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 58–86. (In Russian)
- Heidegger, M.; Volpi, F., von Herrmann, F. W. (2007) *Contributi alla filosofia. (Dall'evento)*. Trad. di A. Jadiccico. Milano: Adelphi Publ., 497 p. (Biblioteca Filosofica. No. 26). (In Italian)
- Heidegger, M. (2020) *K filosofii (O sobytii) [Towards philosophy (About the event)]*. Transl. from German by E. Sagetdinov. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ., 640 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Александр Петрович Шурбелев, e-mail: shurbelev@mail.ru
Кандидат политических наук, независимый исследователь

Author

Alexander P. Shurbelev, e-mail: shurbelev@mail.ru
PhD (Political Sciences), Independent researcher